

Мне кажется, нет ни плохих, ни хороших людей. Есть только люди, которые могут быть самими собой и не могут. Ты перестал быть самим собой. Ты — это лже-Ты.

*Киндзабуро Оэ.
«Футбол 1860 года»*

Только простак может соблудости себя в чистоте. Кто умен и многогранен и не хочет оставаться совсем в стороне от мимо текущей жизни, тот неминуемо должен замарать свою душу и стать предателем.

Лион Фейхтвангер

ЧАСТЬ I

Глава 1

Он помнил, как тяжело умирал его отец. Летом девяносто первого года, во времена самых больших потрясений, происходивших в стране, отца сбила машина. Отцу было уже почти шестьдесят пять. Он редко выходил на улицу, предпочитая передвигаться по городу в своем автомобиле. Гулять он любил только на даче, за городом. А здесь, выйдя случайно на улицу, чтобы дойти до соседнего магазина, неожиданно оказался на улице, где в этот момент мчалась неизвестная машина. «Волга» сбила отца и скрылась с места происшествия. Водителя-убийцу так и не смогли найти. А отца привезли домой и позвонили Анатолию,

чтобы он срочно прилетел домой, в Киев, где жили его родители.

У отца был переломан позвоночник, и он прожил еще около суток. В течение этого времени он умоляюще смотрел на жену и детей, словно пытаясь сказать какие-то важные слова. Но ни писать, ни говорить он уже не мог. Любые попытки даже поднять руку были бесполезны. Сын видел, как отец плакал, пытаясь что-то сообщить близким, но так ничего и не смог произнести. На следующий день отец умер. И даже в последнее мгновение своей жизни он сжимал в руках ручку, будто собирался написать.

Они никогда не были особенно близки. Отец был сухим, достаточно замкнутым, малоразговорчивым человеком. За все время учебы детей в школе он ни разу не появился там, ни разу не поинтересовался, как учатся дети, какие у них успехи. Его, казалось, не волновали эти проблемы. Он полностью передоверил воспитание детей (сына и дочери) своей супруге. Сам Андрей Алексеевич Гудниченко уже несколько лет был персональным пенсионером республиканского значения.

Во время войны, исправив себе год рождения с двадцать шестого на двадцать пятый, он ушел на фронт, едва Советская Армия освободила Харьков в сорок третьем году. И два года воевал в пехоте, получил два ордена Славы и множество

других наград. Вместе с наградами он получил и два ранения, сначала в Белоруссии, а под самый конец войны и в Пруссии, когда шли особенно ожесточенные бои за Кенигсберг. Ранения были нетяжелыми, и он возвращался в строй. В первый раз ему прострелили плечо, а во второй раз пуля попала в ногу. Он считал себя даже счастливым. Гудниченко-старший закончил войну не в Европе, как многие его сверстники, а на Дальнем Востоке, куда перебросили их дивизию для войны с Японией.

Ему было только двадцать лет, когда в сорок шестом он демобилизовался и вернулся домой, в разрушенный Харьков. Казалось, что теперь все будет иначе, по-другому. Но в сорок восьмом его арестовали. Молодой человек восторженно говорил о дорогах Германии, о налаженном быте в Пруссии, об их ухоженных садах и участках. Его обвинили в пропаганде зарубежного образа жизни и дали двенадцать лет лагерей. Награды, конечно, отобрали, а самого Гудниченко отправили на Север, где он и пытался выживать в одном из лагерей Дальлага больше восьми лет. В пятьдесят шестом его полностью реабилитировали, даже вернули награды. Он приехал в Харьков и попытался закрепиться в родном городе, устроившись на работу слесарем одного из местных заводов.

Через два года он переехал в Киев и поступил в университет, чтобы получить высшее образова-

ние. Ему было уже тридцать три года, когда он встретил Клавдию, свою будущую супругу. Она училась, как и он, на заочном факультете, работая на фабрике швеей. Клавдии было только двадцать четыре, и для нее фронтовик Гудниченко являлся почти легендарным человеком. Летом шестидесятого у них родился сын, которого назвали Анатолием. Через три года появилась дочь Олеся.

Гудниченко-старший окончил университет и устроился на работу в совнархоз бухгалтером. Он довольно быстро делал карьеру: сказывалось фронтовое прошлое, два ордена Славы. В те годы к фронтовикам было особое отношение по всей стране, в том числе и на Украине. В шестьдесят пятом они переехали в новую трехкомнатную квартиру, которую Гудниченко получил, работая в совнархозе. Затем он перешел в финансовый отдел горисполкома, потом — в Министерство финансов. Он уходил на работу утром и приходил ровно в половине седьмого, всегда аккуратно одетый, чисто выбритый. Дома отец почти не разговаривал, дети редко слышали его голос. Он ужинал, проходил в спальню и читал там газеты до девяти часов вечера. Он рано ложился и рано вставал. В семь утра он уже делал зарядку на балконе, а в восемь обычно выходил из дома. Даже когда он купил машину, он не изменял своим привычкам, раньше других появляясь на службе.

Сын не помнил, чтобы отец когда-нибудь повышал голос или кричал. Он помнил отца мрачным и малоразговорчивым человеком. В семнадцать лет Анатолий уехал поступать в московский вуз по разнарядке, выделяемой для Украины. К тому времени отец был уже начальником отдела республиканского Министерства финансов.

Анатолий учился в Москве, когда в Киеве произошло по-своему знаменательное событие. Выяснилось, что отец был представлен к третьему ордену Славы, который он не успел получить из-за своего ранения в Пруссии. Ошибку исправили, отец стал полным кавалером орденов Славы, что приравнялось к Героям Советского Союза с получением соответствующих льгот. На работе в министерстве этот факт бурно отметили. Все родственники и близкие поздравляли отца с получением третьего ордена Славы. А он пришел домой, опустил свой орден в стакан водки и долго сидел за столом, глядя на этот стакан. Отец почти не употреблял спиртного, даже война и лагерь не приучили его к этой пагубной страсти.

Уже в восьмидесятом отец стал заместителем министра финансов Украины. Он по-прежнему был сухим, сдержанным и мрачным человеком, о чем даже рассказывали анекдоты. Немногие знали, что он провел восемь лет своей жизни в лагерях. Все отмечали его боевое прошлое, заслуженные награды, компетентность в работе.

Анатолий, окончив вуз, остался работать в Москве. За время учебы в столице отец навещал его только несколько раз. Их свидания больше походили на деловые встречи. Отец останавливался в гостинице «Москва», откуда звонил сыну. Тот приезжал, ужинал вместе с отцом. Во время ужина они почти не разговаривали. Иногда отец спрашивал, как идет учеба, сын отвечал, что нормально. На этом их общение заканчивалось. Отец оставлял сыну обычно пятьдесят рублей на расходы, считая, что такой суммы достаточно молодому человеку для проживания в Москве, и затем уезжал в Киев. Прощаясь, они пожимали друг другу руки: им обоим и в голову не могло прийти, что нужно целоваться при встречах или прощаниях.

Отца хорошо знали и уважали в Министерстве финансов Советского Союза. Именно поэтому Анатолия сразу после окончания вуза взяли на работу в центральный аппарат Министерства. К девяносто первому году, когда трагически погиб отец, он уже был начальником отдела Министерства финансов и успел даже защитить кандидатскую диссертацию.

В восемьдесят восьмом отец вышел на пенсию. Ему было уже шестьдесят два года. Он сам написал заявление и сам попросил разрешения уйти, несмотря на возражения министра, который высоко ценил опыт и знания своего заме-

стителю. С тех пор отец окончательно замкнулся в себе, почти не выходил из дома, проводя большую часть времени на даче, за городом. Он даже перестал ходить на военные парады и надевать свой мундир с тремя орденами Славы, которые гордо красовались на его груди.

К этому времени Олеся вышла замуж и родила двух очаровательных близнецов. К девяносто первому году мальчикам было уже по четыре года. Анатолий не был женат, несмотря на то что ему перевалило за тридцать. Он купил хорошую двухкомнатную кооперативную квартиру, где охотно принимал своих гостей, среди которых было много женщин. Но ни одна из них не задерживалась в его квартире надолго. С годами он начал с ужасом замечать, что постепенно превращается в своего отца. Его раздражало многословие некоторых сотрудников, их суетливость, праздная болтовня.

Анатолий готовил докторскую диссертацию, ходили слухи, что ему предложат место начальника управления. Казалось, что все идет как нельзя лучше. Пока в Киеве не произошло это несчастье. Он просидел всю ночь рядом с умирающим отцом, который так и не сумел ему ничего рассказать. Потом тело отца хотели увезти в морг на вскрытие, но они отказались, понимая, что ничего нового уже не узнают. Через два дня были похороны. На кладбище пришло не

так много людей. Андрея Алексеевича ценили и уважали коллеги, но его никогда особенно не любили. И поэтому многие решили даже не появляться на похоронах. В газетах напечатали соболезнование Министерства финансов, кто-то даже позвонил вдове умершего, кто-то передал свои соболезнования сыну погибшего, кто-то прислал цветы. И на этом траурная церемония завершилась.

Анатолий приехал домой. Заплаканная мать была в темном платье и черном платке. Когда все остальные наконец покинули дом, они остались втроем: мать, Олеся и Анатолий.

— Ты видишь, сынок, какое несчастье, — вздохнула мать, — кто бы мог подумать... Я думала, что он проживет до ста лет. Он ведь по-прежнему рано просыпался, зарядку делал каждый день. И часто ездил на дачу, где чувствовал себя гораздо лучше. В последние месяцы он даже жил там все время, не приезжая в город.

— Ему там нравилось, — подтвердила Олеся. Она отнеслась к смерти отца более спокойно. Может быть, сказывалось ее постоянное присутствие в Киеве. Или она держалась таким образом, чтобы не расстраивать мать. Анатолий с удивлением замечал, как реагирует на смерть отца его сестра. Она словно была готова к этому событию и не позволяла себе плакать или проявлять свои эмоции каким-то другим образом.

— Скоро должен приехать Степан, — вспомнила Олеся, — он сказал, что нам нужно будет переоформить машину и дачу на имя нашей мамы.

Степан Ткаченко был мужем его сестры. Он работал адвокатом и хорошо разбирался в подобных процедурах. Анатолий согласно кивнул головой. Его мало интересовали подобные проблемы. В конце концов, всем и так понятно, что единственным наследником в этой ситуации может стать их мама.

— Делайте как считаете нужным, — предложил Анатолий. — У отца были сберкнижки или какие-то счета в банках?

— Сберкнижка была, — вспомнила мать, — она у нас в шкафу под бельем. Сейчас принесу. Но только там не должно быть много денег. Откуда у него деньги, он ведь был пенсионером.

Она прошла в спальную комнату и вынесла оттуда шкатулку, в которой они обычно хранили все документы. Достала сберкнижку, протягивая ее сыну. Тот полистал страницы. Последняя запись. На счету отца было шесть тысяч восемьсот рублей с копейками. Не так густо, учитывая уровень инфляции. Совсем негусто, подумал Анатолий.

— Мама, — неожиданно даже для самого себя сказал Анатолий, — может, тебе лучше переехать ко мне в Москву?

— Нет, — ответила мать, — мне будет лучше здесь, в Киеве. Я уже привыкла к такой жизни. Все последние месяцы папа пропадал на даче, и

я жила здесь одна. Нет-нет, будет лучше, если я здесь останусь.

— Как хочешь, — сразу согласился сын.

Неожиданно раздался громкий телефонный звонок. Они вздрогнули. Анатолий подошел к аппарату, снял трубку.

— Слушаю вас, — привычно произнес он.

— Добрый вечер, — сказал незнакомый голос, — можно позвать к телефону Андрея Алексеевича?

— Н-нет, — ответил Анатолий, — его нет. Простите, кто спрашивает?

— Это его знакомый, — ответил незнакомец. — А когда он будет дома?

— Боюсь, что уже никогда, — честно ответил сын.

— Простите, я вас не понял.

— Он погиб. Его похоронили сегодня днем, — сообщил Анатолий.

Собеседник молчал.

— Вы меня слышите? — спросил Анатолий.

— Как это произошло? — Позвонивший был не просто расстроен. Он был, очевидно, опечален и взволнован.

— Его сбила машина, — пояснил Анатолий, — и через день он умер.

— Кто именно сбил, уже нашли? — почему-то спросил незнакомец.

— Нет, к сожалению, не нашли.

— Как это случилось? — не успокаивался позвонивший.

— Его сбила машина, когда он вышел на улицу, — начиная раздражаться, пояснил Анатолий, — извините, я сейчас не в состоянии разговаривать.

— Да, я вас понимаю. Примите мои глубокие соболезнования. Конечно, вы не можете говорить. Может, я могу чем-то вам помочь?

— Спасибо. Мы все сделаем сами. Извините меня и до свидания.

Он повесил трубку. Этот незнакомец явно переживал по поводу случившегося. Возможно, кто-то из бывших сослуживцев отца или из его сотрудников. Анатолий закрыл глаза. Как все глупо получилось! Кто мог подумать, что ветеран войны, имевший три ордена Славы и два ранения, неожиданно погибнет под колесами дикого лихача? Кто мог об этом даже подумать...

— Кто это звонил? — поинтересовалась мать.

— Какой-то знакомый отца, — пояснил сын.

Он не мог и предположить, чем обернется для их семьи этот телефонный звонок и какие события последуют сразу за этим днем.

Глава 2

Оформивший отпуск на одну неделю, Анатолий оставался в Киеве еще несколько дней, во время которых и произошли основные события

в его жизни. На следующий день снова раздался телефонный звонок. Мать была в таком состоянии, что не могла отвечать на эти звонки, и Анатолий привычно взял трубку.

— Здравствуйте, — услышал он совсем другой голос, — вы не могли бы мне сказать, что именно произошло с Андреем Алексеевичем?

— Он погиб, — сдержанно ответил Анатолий, — вчера были похороны.

— Как это произошло? — Позвонивший не выразил соболезнования, даже не удивился. Его, кажется, только интересовало, каким образом погиб Гудниченко-старший, как будто это было самое важное, что ему следовало узнать. Анатолий нахмурился.

— Его сбила машина. Извините, я не могу сейчас разговаривать.

— Подожди, — прохрипел позвонивший, — как это — сбила машина? Кто его сбил, вы узнали?

— Нет, машину пока не нашли.

— Когда и где это случилось?

— Какая разница, — поморщился Анатолий, — отца мы все равно не вернем. До свидания.

— Подожди, — снова сказал неизвестный, — ты кем ему приходишься?

— Я его сын.

— Тогда понятно. Он ничего не сказал тебе перед смертью?

— Ничего. До свидания.

Анатолий повесил трубку. Бесцеремонность звонившего его разозлила. Снова раздался телефонный звонок. Анатолий снял трубку.

— Может, он что-то просил передать для своих друзей? — раздался тот же голос. — Спроси у своей матери.

— Он ничего не сказал, — нервно произнес Анатолий, — и не нужно больше сюда звонить. У нас и так большое горе, а вас, кажется, интересуют только свои личные дела.

Он бросил трубку.

— Кто это звонит? — поинтересовалась мать из другой комнаты.

— Какой-то ненормальный, — зло ответил Анатолий.

В этот день больше никаких неожиданных телефонных звонков не было. А на следующий день позвонила испуганная соседка по даче. Она была вдовой генерала, Героя Советского Союза. Эти два участка Гудниченко и генерал Палийчук получили еще в конце шестидесятых как ветераны войны. Палийчук построил на своем участке добротный двухэтажный особняк, а Гудниченко — гораздо более скромный домик, в котором были две комнаты и небольшая кухня. Уже позже, будучи заместителем министра, когда дети уже выросли, он пристроил к дому еще одну комнату, которая стала его кабинетом и спальней. Дача была скромной, небольшой, но участок

замечательный. Отец любил ухаживать за землей и потратил много сил, чтобы все здесь было ухожено и обработано. Вокруг дома росли яблоневые деревья, привившиеся здесь еще в семидесятые, и множество кустов крыжовника.

Две дачи разделяла лишь символическая ограда из проволоки. Да и вообще в те времена не строили высоких каменных заборов. Соседка жила на даче после смерти своего мужа вместе с двумя собаками и домработницей. Ее сыновья часто навещали мать. У них было уже четверо взрослых девочек, которые, едва появившись на даче, устраивали такой шум, что об их прибытии сразу узнавали соседи. Эта была замечательная и дружная семья. Екатерина Палийчук не смогла приехать на похороны из-за своего высокого давления, но оба сына пришли на кладбище, чтобы проводить в последний путь соседа и друга своего отца.

— Доброе утро, — сказала соседка, и Анатолий не сразу узнал ее голос, — извините, что позвонила так рано утром.

— Кто это говорит? — не понял он.

— Это ваша соседка по даче. Тетя Катя Палийчук. Вы меня не узнали, Анатолий?

— Здравствуйте, тетя Катя, — улыбнулся Анатолий. — Как вы себя чувствуете? Ваши сыновья говорили, что у вас высокое давление.

— Да, иногда просто кружится голова. Но я позвонила не поэтому. Ты знаешь, Толик, я вчера

почти не спала всю ночь. И поднималась наверх, на второй этаж. Я ведь сейчас редко наверх поднимаюсь, там комнаты для моих внучек, а мою спальню перенесли на первый этаж, чтобы я туда не ходила.

— Я об этом слышал. — Он подумал, что сейчас пойдут обычные старческие разговоры о собственных болячках. Но он ошибался.

— Ночью я туда поднялась. Фаина уже спала. Ты помнишь Фаину, нашу домработницу?

— Конечно, помню. Ей, наверное, уже сто лет.

— Да нет. Она младше меня на два года. Так вот, я поднялась наверх и случайно посмотрела в сторону вашей дачи. И ты не поверишь! Я увидела, как горит свет в окнах вашего дома. Я подумала, что вы решили сюда приехать поздно ночью по своим делам, и решила вас не беспокоить.

— Никто из нас на дачу ночью не ездил, — ответил Анатолий, — вам, видимо, показалось, что там горит свет.

— Нет-нет! Я видела. А потом рано утром мы услышали шум. Я снова поднялась наверх. На вашем участке стояли сразу три машины. Такие, какие у нашего Петра...

— «Волги», — уточнил Анатолий.

— Да-да, «Волги». Две белые и одна черная. Я еще подумала, что ты приехал сюда со своими друзьями. Решила тебе позвонить. Но ваш телефон на даче не отвечал. Ты можешь себе предста-

вить такое? Я вижу, как на вашем участке стоят три машины, значит, много людей в доме, а телефон не отвечает.

— Сразу три машины приехали? — весело спросил Анатолий. Он все еще не придавал никакого значения этому телефонному звонку. В конце концов, что можно было украсть у них на даче? Старую мебель. Садовый инвентарь. Самой большой ценностью в доме были книги, которые находились в кабинете отца, но воры не станут приезжать сразу на трех машинах, чтобы их украсть. Да и книги были обычные, не раритеты. Что еще? Одежда, белье, посуда. Там не могло быть ничего ценного.

— Я долго звонила, — призналась испуганная соседка, — а потом мы увидели, как они уезжают. Примерно минут тридцать назад. Все три машины развернулись, чтобы отъехать. И одна наша собачка случайно в это время перешла на вашу сторону. Ты знаешь, я всегда следила за нашими собачками. Твой отец не любил, когда они лазили на ваш участок. Но она там случайно оказалась. Это был Джульбарс, наша немецкая овчарка. Такая умная собачка.

— Понятно, понятно. — Ему надоело слушать эти бредни о приехавших машинах, о залезшей на чужой участок собаке.

— И они уехали, а моя собачка не вернулась домой, — выдохнула тетя Катя.

— Она еще придет, — успокоил ее Анатолий. — И это все, что вы хотели мне сказать?

— Нет, не придет, — прервала его тетя Катя, — Джульбарса убили.

— Что?

— Вторая собачка нашла рядом с воротами. Можешь себе представить, нашего Джульбарса кто-то застрелил. Но честное слово, мы не слышали никаких выстрелов. Как такое может быть, я не понимаю. Фаина говорит, что в собачку стреляли пять или шесть раз. Можешь себе представить такой ужас? Бедное животное. Пять или шесть раз. А мы ничего не слышали. Я сразу позвонила сыновьям, они сейчас едут к нам. Но Петя сказал, чтобы я позвонила и вам тоже.

Петр Палийчук был старшим сыном вдовы генерала. Он работал в военной прокуратуре, был советником юстиции.

— Убили вашу собаку? — растерянно произнес Анатолий. Это были уже не шутки. В собаку выстрелили пять или шесть раз. — И вы ничего не слышали? — спросил он.

— Ничего. И Фаина тоже ничего не слышала, а у нее слух такой хороший. Петр сказал, чтобы мы ничего не трогали. Он скоро будет. Может, тебе тоже лучше сюда приехать?

— Я сейчас приеду, — сразу решил Анатолий.

Он бросил трубку, начал одеваться.

— Мама, — крикнул он, обращаясь к матери, — где машина отца?

— В гараже, — удивилась она, — ключи в правом ящике серванта. Где обычно. Что случилось?

— Звонила тетя Катя Палийчук.

— Бедная женщина, у нее такое давление...

— При чем тут давление! Она говорит, что ночью неизвестные воры влезли на нашу дачу. Ты вспомни, может, отец хранил там что-то ценное.

— Ничего ценного там не было, — грустно улыбнулась мать, — мы вообще всегда жили очень скромно. Ты ведь знаешь. Что у нас могло быть на даче? Хотя нет. Я оставила там Олесиных часы. Помнишь ее детские часики? Они оставались на даче. И деньги там были. Сорок рублей.

— Господи, я не про это спрашиваю, — разозлился Анатолий, — из-за сорока рублей никто не станет лезть в чужой дом. Тетя Катя говорит, что приехали сразу три машины с чужими людьми. Они всю ночь что-то искали. А потом уехали, застрелив ее собаку Джульбарса, ты его должна помнить. Такая умная овчарка была.

— Что ты такое говоришь? — испугалась мать. — Как это застрелили? Убили ее собаку? Какие звери! Разве такое возможно?

— Видимо, возможно. Она позвонила своим сыновьям, те сейчас приедут на дачу. Я тоже туда поеду.

— Нужно вызвать милицию, — посоветовала мать.

— Это мы решим на месте. Из-за убитой собаки милицию вызывать не стоит. Нужно сначала посмотреть, что у нас пропало.

— Может, я с тобой поеду?

— Нет. Сейчас нет. Сначала я сам там все осмотрю. А потом пусть туда приедет Олеся. Хотя нет, ей тоже туда не нужно. Найдите Степана. Он адвокат, как раз нужны будут его советы. Пусть срочно едет на дачу.

— Я сейчас позвоню Олесе, — кивнула испуганная мать, — а может, и тебе лучше пока туда не ехать?

— Господи, мама, что ты такое говоришь! Там уже никого нет. И сейчас туда приедут ребята тети Кати. Ты забыла, что Петр работает в военной прокуратуре? Если понадобится, он сам вызовет милицию. Или позвонит в прокуратуру. Ты лучше найди срочно Степана, пусть едет на дачу.

Он надел куртку, забрал ключи и выбежал из квартиры. Гараж находился за домом, в соседнем переулке. Здесь разрешали строить гаражи только ветеранам войны и фронтовикам. Но как это обычно бывает, среди ветеранов оказалось много торговых работников. Некоторые перекупали гаражи у заслуженных фронтовиков или у их семей, некоторые просто давали взятки чиновникам. Анатолий подбежал к воротам гаража и

замер в недоумении. Замок был словно перекушен, и дверца гаража полуоткрыта.

— Угнали машину, — испугался он, открывая двери. Но бежевая «Волга» его отца — старенький «ГАЗ-21» — стояла в гараже. Правда, она была в ужасном состоянии. Кто-то изуродовал машину до неузнаваемости. Вспорол сиденья, перевернул все инструменты, проколол все шины. Словно здесь поработала толпа варваров. Анатолий смотрел на автомобиль, не понимая, что произошло.

— Кто это мог сделать? — недоумевал он. — Неужели у отца были такие враги? И зачем нужно было так портить его автомобиль?

Он вышел из гаража, прикрыл двери. Достал ключи. Замок работал. Если висячий замок был перекушен, то этот замок на дверях просто открыли чужим ключом. Интересно, кто это мог быть? Он закрыл дверцу, вышел из переулочка. Интересная ситуация... Сначала эти непонятные телефонные звонки, потом кто-то влезает к ним на дачу, всю ночь что-то ищет, а под утро уезжает, застрелив соседскую собаку. И, наконец, влезает к ним в гараж, чтобы обыскать машину. Что они ищут? Что им вообще нужно?

Он остановил такси и попросил отвезти его за город. Предприимчивый таксист сразу запросил две цены. Пока машина неслась в сторону пригородов, Анатолий напряженно размышлял. Судя по всему, тетя Катя не ошиблась. И кто-то всерьь-

ез решил заняться их семьей. Но почему? Зачем? Отец был обычным пенсионером, жил в последние годы на даче, не имел личных врагов, вообще почти ни с кем не общался. Может, перепутали? Но тогда зачем так изуродовали машину отца? Ничего не понятно. Дорога на дачу занимала около сорока минут. На этот раз ему показалось, что прошло гораздо больше времени.

Когда такси подъехало к их участку, там уже стояли два автомобиля. Это была служебная «Волга» Петра Палийчука и «Жигули» его младшего брата — Семена. Анатолий расплатился с водителем и вылез из машины. Сначала он решил постучаться к соседям, но ворота у них были раскрыты. Он вошел на соседский участок, увидев, как к нему спешит пожилая женщина.

— Здравствуй, Толик, — приветливо сказала она. Это была Фаина, домработница семьи Палийчук. Она жила здесь уже почти четверть века и знала Анатолия еще ребенком.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он. — А где ребята? Их машины здесь, а самих я не вижу.

— Они на вашей даче, — показала Фаина. — Мы сначала так испугались. Ну кто мог подумать, что они застрелят нашего песика. А он такой умный, такой понимающий пес. Чужих никогда не пропускал, всегда первым шум поднимал. А здесь не успел... Они его сразу и убили...

Анатолий, уже не слушая ее, пошел в сторону своей дачи, перелез через проволоку. На участке, рядом с большим деревом, лежал труп собаки. Достаточно было посмотреть на этот истерзанный труп, чтобы понять степень бешенства человека, который убивал животное. В нее разрядили всю обойму. Рядом стояли трое мужчин. Два сына тети Кати и молодой человек, очевидно, водитель Петра. Увидев подходившего Анатолия, все трое подняли головы.

— Добрый день, — поздоровался Анатолий. — Что здесь происходит?

— Не такой добрый, — мрачно ответил Петр. Он походил на отца — мощный, широкоплечий, коренастый, среднего роста. Младший, Семен, пошел в мать. У него были гораздо более тонкие черты лица, и он был выше старшего брата на целую голову. Они пожали друг другу руки.

— Убили нашу собаку, — сказал Семен, хотя и так все было понятно.

— Но почему? — спросил Анатолий.

— Они приехали к вам и что-то искали, — пояснил Петр, — здесь видны следы нескольких машин. Мать говорит, что было три машины. А когда уезжали, видимо, очень нервничали. Вот кто-то из них и сорвал свою злость на нашей собаке. Посмотри, что они сделали. Они выпустили в нее целую обойму.

— А твоя мать говорит, что они не слышали выстрелов, — напомнил Анатолий.

— Поэтому и не слышали, — хмуро пояснил Петр, — видимо, стреляли из пистолета с глушителем. У вас ночью на даче были не обычные воры. Те, которые имеют такое оружие и могут позволить себе приезжать сразу на трех машинах. Ты не знаешь, у твоего отца могли быть такие знакомые?

Глава 3

Анатолий пожал плечами. Ему даже в голову не могло прийти, что подобное произошло с его семьей.

— Тебе лучше пройти в дом и все самому осмотреть, — предложил Петр, — а потом мы решим, что нам нужно делать. Если хочешь, мы пойдем с тобой. Судя по всему, они здесь что-то искали. В двух местах даже перекопали землю.

— Давай вместе, — предложил Анатолий, — я, конечно, не боюсь, но после вашей собаки мне как-то не по себе.

Они прошли к дому. Замок был сломан, а дверь открыта. Анатолий осторожно вошел в дом, словно опасаясь, что на него кто-то бросится. Повсюду царил беспорядок. Вещи были разбросаны, в двух местах сломан даже пол, в кабинете отца перевернуты все шкафы, пробиты

стены и полы. Непрошенные визитеры даже отвинтили батарею, в небольшой ванной комнате умудрились вытащить со своего места водонагреватель, сорвали в нескольких местах кафель. Следы разгрома царили повсюду. Анатолий обошел комнаты и, махнув рукой, вышел из дома. За ним двинулись братья Палийчук.

— Нужно вызвать милицию, — предложил Петр, — и пусть сюда приедет кто-то из ваших. Мать или Олеся. Может, даже Степан. Они здесь часто бывали у твоего старика, возможно, знают, какие вещи отсюда пропали. Хотя... — он оглянулся на собаку, рядом с которой остался его водитель, — если бы они нашли то, что искали, то не стали бы убивать собаку. Видимо, не нашли и всю злость выместили на нашем псе. Тогда вопрос: что они здесь искали? Судя по всему, это люди серьезные.

— Я сам ничего не понимаю, — растерянно признался Анатолий, — сначала смерть отца, а потом вот этот нелепый грабеж. У нас на даче не было особых ценностей. Ты ведь сам все хорошо знаешь. Отец всегда жил очень скромно, семья существовала на его пенсию и учительскую зарплату моей мамы. Они мне даже денег почти никогда не пересылали в Москву, когда я там учился. Редко отец приезжал и давал мне пятьдесят рублей, которые я тратил вскоре после его отъезда.

— И ты никого не подозреваешь?

— Абсолютно никого. Но вот что странно. Нам несколько дней звонят какие-то неизвестные люди и, не представляясь, спрашивают, как именно погиб отец. А сегодня кто-то залез в наш гараж и изуродовал старую машину отца. Такое ощущение, что за нами охотится какой-то маньяк.

— Это не маньяк, — рассудительно ответил Петр, — маньяк бывает всегда один. Он не ездит на трех машинах и не стреляет в собак из пистолета с глушителем. Это кто-то другой. Если бы приехали только на вашу дачу, то я бы мог подумать, что произошла обычная ошибка. Но если полезли и в ваш гараж, значит, они знали точно, к кому и зачем пришли. Я сейчас позвоню в местный райотдел милиции. Пусть пришлют сюда своих сотрудников, они все проверят на месте. У вас телефон в доме работает?

— Черт его знает, что там работает, — пробормотал Анатолий.

Петр повернулся и пошел обратно в дом. Семен достал сигареты, протянул их Анатолию.

— Спасибо, — покачал головой, — не курю.

— Правильно делаешь, — согласился Семен, — а я никак не могу бросить эту дурацкую привычку. Как у тебя дела в Москве? Я слышал, что ты уже стал большим начальником!..

Семен работал в системе агропрома, занимался поставками оборудования. Ему было уже под

сорок (на четыре года младше брата). Несколько лет назад он развелся и теперь жил один в своей кооперативной квартире на Крещатике.

— Каким начальником... — отмахнулся Анатолий. — Просто руководитель одного из отделов Минфина. Пошел, так сказать, по папиным стопам. И отдел у меня небольшой. Только шесть человек.

— Все равно, — с уважением произнес Семен, — в твоем возрасте уже начальник отдела Министерства финансов такой страны! Ты у нас молодец, Толик. А отец с тобой ни о чем не говорил? Может, он тебе рассказывал о каких-то ценностях, которые спрятаны на даче или в гараже?

— Ты же знаешь нашу семью, Семен, — усмехнулся Анатолий. — Какие ценности могли быть у моего отца? Только его три ордена Славы. Он был бесребреник. И на работе никогда взяток не брал, об этом все знали. До сих пор некоторые старые сотрудники вспоминают, как он работал. Это просто какое-то идиотское недоразумение.

Из дома вышел старший брат.

— Телефон работает, — сообщил Петр. — Я уже позвонил в милицию. Они сейчас придут. Ничего здесь не трогайте, возможно, остались отпечатки пальцев. Заодно пусть отправят и труп нашего Джульбарса на экспертизу. Достанут все пули и проверят, где мог «засветиться» этот пистолет.